Брату итальянскому - дай тебе Бог многая лета!

Юрий Фёдорович Карякин

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Юрий Карякин. Брату итальянскому - дай тебе Бог многая лета! (письмо Витторио Страде) // Vittorio : междунар. науч. сб., посвящ. 75-летию Витторио Страды. - М., 2005. - С.20-29.

-
-
-
-
-
-
-
-

Давайте восклицать, друг другом восхищаться.
Высокопарных слов не стоит опасаться.
Давайте говорить друг другу комплименты -
Ведь это все любви счастливые моменты.
<…>
Давайте жить, во всем друг другу потакая, -
Тем более что жизнь короткая такая.

Булат Окуджава

КОГДА я узнал, что Витторио - 75 лет, и меня попросили написать о нем, - я растерялся. Почему? Сказать бы ему прямо и в глаза, в присутствии его жены Клары и друзей - мне было бы куда легче, чем «официальничать». Я это не только не умею, но главное - не хочу. Вот почему я просто хочу представить себе, что все это говорю тебе, Витторио, глядя в глаза.

Есть три способа познания:

1. Так называемая рациональная, «отрешенная» объективность. Да, она важна и незаменима. Но почему-то - это не для меня.

2. Ненависть. О, человек, ненавидящий другого, обладает каким-то особенным чутьем, видит все грехи, недостатки, слабости того, кого ненавидит.

3. И - просто любовь. А любовь - это… «Он познал ея. Она познала его». Ergo: любовь — познание. Познание = любовь.

Почему-то с отрочества, тем более с юношества, - я это слишком хорошо помню - всегда чувствовал, что мне не хватает брата. И чем старше становился, тем больше не хватало. Я нашел своих братьев тут, в России. Ты их знаешь: это Алесь Адамович, Юрий Давыдов, конечно, Булат Окуджава, Наум Коржавин, Камил Икрамов…

Но чтобы вот так, абсолютно неожиданно, в 1964 году, обрести брата в Италии!..

Тогда я работал в международной редакции журнала «Проблемы, мира и социализма» (в Праге). Начал писать статью о Солженицыне, вернее, о повести его «Один день Ивана Денисовича». Тогда у нас в редакции была великолепная информационная служба, которая помогла мне набрать более 500 отзывов на повесть из мировой печати. Как ты, наверное, помнишь, большинство «рецензий» в левой и коммунистической печати было разносных… Вдруг напал на рецензию на повесть Солженицына какого-то - Витторио Страды, который, в сущности, и написал уже почти все то, что и как я хотел сказать. Это была наша первая встреча, о которой ты, конечно, ничего не знал. Тогда же подумал-почувствовал: вот человек, который познает любовью и для которого любовь и есть способ познания. При той, как ты помнишь, свистопляске, бесовской пляске вокруг повести, твой голос был для меня поддержкой, голос, пусть почти одинокий, но стоивший больше, дороже всех остальных бесовских. И я тогда впервые понял, что *нашел брата.*

Прошло несколько лет, и ты вдруг с Кларой приехал в Москву (кажется, в 1968 году). Мы встретились как родные. Более того, я очень хорошо, до деталей, помню нашу встречу в гостинице «Метрополь», где я отдал тебе свой доклад, прочитанный 30 января 1968 года на вечере о Платонове в Центральном Доме литераторов. Тогда я начал с Платонова, а сказал о наших уже во всю гонимых властями современниках -Солженицыне, Окуджаве, Коржавине, Неизвестном. Сказанная в адрес Сталина (уже закончилась хрущевская «оттепель» и возрождался сталинизм) фраза - «Черного кобеля не отмоешь добела» - быстро разошлась по Москве среди интеллигенции. Меня исключили из партии, пытались уволить с работы, в общем начинался партийно-

чекистский шабаш. И вот тут-то вы и помогли мне, да и не только мне. Вывезли текст моей речи (как вскоре выяснилось, прекрасно записанной чекистами, следившими за писателями), скомкав листочки и засунув их в детские носки. Потом он был напечатан в западной прессе.

Так начинались наши отношения. Господи, с тех пор прошло не меньше сорока лет. *Пора итожить.*

Я знаю, может быть, даже не меньше, чем ты, это странное племя западных «русистов». И ничуть не принижая других знатоков, любящих Россию, не могу не признать: такого знатока русской литературы, русской общественной мысли, да и просто человека, понимающего всю нашу историю и современную политическую ситуацию, как ты, право, не знаю. И дело совершенно не только, а может быть, даже и не столько в числе и качестве работ о русской культуре, написанных тобой. Они всегда отличались и глубиной, и превосходным стилем. Дело, может быть, прежде всего - как бы это сказать? - в установлении личностных связей между нашими культурами. Между конкретными людьми. Я сейчас говорю о том, в чем мне тебя никогда не догнать, да я и не стремлюсь, потому что не моя это стезя. Ты, оставаясь прежде всего философом, историком, мыслителем, как немцы говорят - zogennanten, то бишь яйцеголовым, стал удивительным организатором сближения культур. Стоило бы подсчитать (только кто это сделает?), сколько конференций и на какие темы ты организовал в Риме, Милане, Неаполе, Падуе, Мантуе, Пенне - о Солженицыне, о Сахарове, о Достоевском, Пушкине, Чехове… Скольких людей ты туда привлек. И сколько людей - а их не счесть - тебе благодарны за это…

Позволю себе одно воспоминание. Может быть, самое сильное впечатление из истории наших с тобой отношений - то есть из истории отношений наших культур. В 1997 году в Римини проходила очередная международная встреча, организованная Итальянским христианским обществом. На сей раз она была посвящена Ф.М. Достоевскому, и ты пригласил меня в качестве докладчика.

Приехать из Москвы в небольшой курортный городок Римини и увидеть, что весь он облеплен метровыми портретами Достоевского, и узнать, что там происходит конгресс в его честь, - это в католической-то стране… Конгресс, организованный православными общинами Италии… Конгресс, на котором присутствуют тысячи человек, где добровольно работают православные итальянцы - от студентов до профессоров. Это было для меня, может быть, главное чудо. Это надо было не просто

видеть. Это надо было внутри побывать, не веря в такую возможность, потрястись ее реализацией. Право, ничего подобного в моей жизни я не видел (к сожалению, такого пока нет в России ни в отношении Достоевского, ни в отношении Данте). Представляешь: в какой-нибудь Рязани - конгресс о Данте, и вся Рязань - в портретах Данте.

Может быть, самое странное, что сближает нас (и отличает от многих других), - это наш с тобой во многом *общий путь познания.* Говоря словами Николая Кузанского, *«путь от ложной истины к истинному незнанию».* Мы с тобой на своей шкуре, «мозговой», прочувствовали, перестрадали истину (открытую нам Ф.М. Достоевским): «Недостаточно определять нравственность верностью своим убеждениям. Надо еще беспрерывно возбуждать в себе вопрос: верны ли мои убеждения?»

Когда я наткнулся на эту очень глубокую мысль Достоевского (в его «Записных книжках»), в моей голове «сталинская заслонка» была уже ликвидирована, но заслонка ленинско-марксистская - еще больше укрепилась, стала еще толще. Точнее - не заслонка даже, а нечто инородное, вросшее в мозги и душу, отторгавшее все живое. Все еще думалось: марксизм (особенно ранний Маркс) - вот спасательный круг. Оказалось: соломинка. А ведь из нас (думаю, и из тебя тоже, по крайней мере тогда, когда ты учился в аспирантуре филологического факультета МГУ) выдавливали, да мы и сами из себя выдавливали, - не раба, а человека… Помнишь, как точно сказал об этом А.И. Солженицын: «Оглядясь, я увидел, как всю сознательную жизнь не понимал ни себя самого, ни своих стремлений. Мне долго мнилось благом то, что было для меня губительным, и я все порывался в сторону, противоположную той, которая была мне истинно нужна… Постепенно открылось мне, что линия, разделяющая добро и зло, проходит не между государствами, не между классами, не между партиями - она проходит через каждое человеческое сердце и через все человеческие сердца. Линия эта подвижна, она колеблется в нас с годами… С тех пор я понял правду всех религий мира: они борются со злом в человеке (в каждом человеке). Нельзя изгнать вовсе зло из мира. Но можно в каждом человеке его потеснить. С тех пор я понял ложь всех революций истории: они уничтожают только современных им носителей зла, а не разбирая, впопыхах, и носителей добра - само же зло, еще увеличенным, берут себе в наследство».

Полагаю, что и тебе родна эта мысль. Знаю, что ты написал собственную исповедь - признание старого «ревизиониста». И здесь мы оказались с тобой братьями.

У Достоевского есть понятие - *«перерождение убеждений».* У

каждого сколько-нибудь мыслящего человека не может не быть «перерождения убеждений». Только у дураков нет «перерождения убеждений», именно этим они и гордятся.

Но само это «перерождение убеждений» или, что мне привычней, - *перемена убеждений* - для нашего поколения - относилась не только к убеждениям политическим, тактическим, даже стратегическим. Нет, речь шла о самых из самых коренных, *мировоззренческих переменах убеждений.* Для нас это был разрыв с коммунизмом (1) и встреча рода человеческого со своей смертью, вернее, со все нарастающей угрозой самоубийства (2). Обе перемены связаны друг с другом. Обе абсолютно беспримерны по своим масштабам, сложности, трудности и даже скорости.

Массовый разрыв с коммунизмом начался с февраля 56-го (XX съезд КПСС), причем начался вовсе не у нас, а на Западе и достиг своей кульминации (уже у нас) в конце 80 - начале 90-х.

Конечно, уж тебе, превосходному знатоку марксизма и западной философии, как никому, хорошо знакомы предсмертные поправки Ф. Энгельса к классическому марксизму, из которых и возрос так называемый «ревизионизм». Но согласись, что все-таки все эти разногласия были внутри одного и того же мировоззрения.

Более глубокой и серьезной критике марксизм подвергли так называемые «легальные марксисты» именно потому, что расхождения возникли не внутри мировоззрения, а между мировоззрениями. Критика коммунизма с их стороны несравненно основательнее, глубже самокритики «ревизионистов». П. Струве, Н. Бердяев, С. Булгаков, С. Франк и другие (позже их стали называть «новыми христианами») поистине заложили краеугольные камни той библиотеки *исповедей* людей, прельстившихся коммунизмом, познавших его изнутри, а потому, в конце концов, порвавших с ним, переменивших свои убеждения, людей, духовно спасшихся от коммунизма, который проутюжил их своим катком.

Эта библиотека удесятерилась в 20 - 30-х годах, потом еще настолько же в 50-70-х и, наконец, стала почти неисчислимой за последние 10-15 лет. Без таких исповедей постижение природы коммунизма, ослепившего на время тысячи и тысячи благородных, умных, честных людей, без такой библиотеки это постижение невозможно или крайне заторможено.

Но как оценивать перемену убеждений? Каковы здесь критерии? Чьей перемене верить, чьей - нет?

Зададимся самыми простыми вопросами: кто, как, почему, для чего, когда, в зависимости или в независимости от каких обстоятельств переменил свои убеждения? В каком возрасте?

Какой ценой? (Имея в виду сложность, трудность, мучительность процесса.) Чем рисковал?

Какой профессии человек? Сколько времени ушло на это - от первого сомнения, первого сигнала колокольчика, прозвеневшего о неверности убеждений (казалось бы, навсегдашних), до решающего прозрения, до окончательного разрыва, до колокола набатного, знаменовавшего этот разрыв? Насколько человек честен, правдив, совестлив, умен наконец, чтобы рассказать обо всем своем пути, не скрывая правду о себе - худшем (а не говоря о себе - только лучшем) ? Не подделывая себя вчерашнего под сегодняшнего? Как человек объясняет свои прежние искушения? Что «забывает»? Здесь ведь особенно верно: *«плохая память» - это просто нечистая совесть, а нечистая совесть и требует «плохой памяти».*

Ну вот, кажется, и нащупаны критерии. Во-первых, искренность, конечно; абсолютная правдивость. Во-вторых, столь же абсолютное бескорыстие. А в-третьих, время перемены: оно и концентрирует в себе все те простые вопросы, которыми мы задались.

Вот как переменил свои убеждения Достоевский: «Я сам старый "Нечаевец" <…> Нечаевым, вероятно, я бы не мог сделаться никогда, но Нечаевцем, не ручаюсь, может, и мог бы… во дни моей юности».

Е. Замятин был до революции большевиком - вышел, написал «Мы». М. Пришвин сказал, что, будь ему к Октябрю лет двадцать, а не за сорок, быть бы ему большевиком.

На поворот в истинную сторону у Достоевского ушло лет шесть-восемь, у Солженицына - десять-одиннадцать. А. И. Солженицын даже на Лубянке еще защищал Ильича.

Когда-то и я себе задал такой вопрос: «Верны ли мои убеждения?» У меня от первого колокольчика, извещавшего о неверности моих убеждений, до набата… прошло, может быть, более двух десятков лет. Сопротивлялся долго, отчаянно, прежде чем капитулировал перед… жизнью.

А можно ли поверить тому, кто переменил свои убеждения на прямо противоположные быстро и легко, весело и наживно?..

А о тех, кто остался «верен» своим вождям, кому «не в чем каяться», кто заявляет, что «ни одного прежнего слова не берет обратно» и что ему «ничуть ни за что не стыдно»… и что он «горд своей непреклонностью», - хотелось бы сказать:

Августин Блаженный каялся в своей «Исповеди», а Л. Толстой - в своей. Каялись Франциск Ассизский и Достоевский, Гоголь и Пушкин, а этим каяться не в чем! Микеланджело чудо-мраморы свои разбивал, а эти - своими глинами-уродами не налюбуются.

Еще одно замечание о нас с тобой. Мне кажется, что можно говорить *об уникальности нашего поколения и нашего времени* именно потому, что на него обрушился такой слом мировоззренческий (повторю): разрыв с коммунизмом (1) и - встреча рода человеческого со своей смертью (2)… И уникальность его может быть понята только в Большом контексте Большого времени (М.М. Бахтин).

Некоторые говорят о нашем поколении - «потерянное». А уж «шестидесятников» не ругает только ленивый. А мне думается, что последнее слово нами все-таки еще не сказано, недосказано.

Ты и я, как никто (кроме, пожалуй, наших жен - Клары и Иры), прекрасно знаем, как встречались мы с тобой на якобы параллелях, которые вдруг почти всегда сходились в одной точке. Это было в отношении Пушкина и Достоевского, Солженицына и Сахарова, Герцена и Ленина. Это было и есть какое-то заочное соревнование с одной целью и на одном пути. При этом я нередко так и не достигал «конечной» цели - публикации, потому что главный мой недостаток - безграничность, связанная с глупой надеждой на бесконечную жизнь. Ты же, напротив, всегда умел обуздать себя и завершить мысль в законченную форму. Вот ты и собираешь удивительно богатый урожай - не счесть книг и статей, тобой опубликованных, прежде всего, конечно, по-итальянски, но и по-русски тоже немало.

Помню, как сравнительно недавно порадовался я твоей очень хорошей статье о Герцене. Радовался тому, что тебе удалось понять, почувствовать, что Герцен был для нас, уже в нашей марксистской молодости, глотком свободы невероятной, свободы духа, свободы слова. Я вкусил это ощущение невероятной свободы еще в ранние студенческие годы, хотя философский факультет МГУ в начале 50-х годов вовсе тому не способствовал, как знаешь ты сам. А много лет спустя прочитал «Письма к старому товарищу». Может, и грешу, но и хочу грешить: это куда сильнее, чем вся «Философия истории» Гегеля. Не только и не столько *политическое* завещание, сколько гениальное *духовное завещание* человека, который прошел все искусы властолюбия, тщеславия и пр. и который - завещал.

Тебе ли не знать, как сетовал Лев Толстой: …забыли, мол, Герцена. А это был такой нравственный критерий, без которого жить нельзя. Если мне память не изменяет, нечто похожее скажет потом о Толстом Чехов или, кажется, Короленко: вот он (Толстой) умрет, и критерии погаснут. «Письма к старому товарищу» - критерий - навсегда. Фантастичнейшая и реальнейшая попытка совместить политику с нравственностью.

«Знания и понимания не возьмешь никакими coup d'etat.

Медленность, сбивчивость исторического хода понимания нас бесит и душит, она нам невыносима, и многие из нас, изменяя собственному разуму, торопятся и торопят других. Хорошо ли это или нет? В этом весь вопрос… Петр Первый, Конвент научили нас шагать семимильными сапогами, шагать из первого месяца беременности в девятый и ломать без разбора все, что попадется на дороге…» - не могу остановиться в цитировании - «Обойти процесс понимания так же невозможно, как обойти вопрос о силе… Взять вдруг человека, умственно дремавшего, и огорошить его в первую минуту спросонья… Я нисколько не боюсь слова "постепенность", опошленного шаткостью и неверным шагом разных реформирующих властей. Постепенность так, как непрерывность, неотъемлема всякому процессу разумения… Между конечными выводами и современным состоянием есть практические облегчения пути, компромиссы, диагонали… Ломая одинаким образом те и другие, можно убить организм и, наверное, заставить огромное большинство отпрянуть. Всего яростнее восстанут за "рак" наиболее страдающие от него. Это очень глупо, но пора с глупостью считаться как с громадной силой».

Путь, проделанный Герценом, - от политической суеты к вершинам духовности. Потому-то Толстой и признал в нем своего брата. А ленинская статья «Памяти Герцена» - не что иное, как попытка политического лилипута использовать в своих сиюминутных целях духовного Гулливера. Самое поразительное в статье Ленина о Герцене - это НЕСОИЗМЕРИМОСТЬ МАСШТАБОВ: один - мыслит на уровне трагически-вселенско-историческом, второй - повседневно-цинично-политическом. Второй - просто по природе своей даже не то что не хочет - не может понять первого. А потому, наслышавшись о «гениальности» Герцена, не может не отвесить ему поклон и тут же указать на его «ограниченность».

Герцен был и остается для русского человека (но оказывается, и для тебя, итальянца!) кристально ясен «социологически», как Пушкин -поэтически и житейно… Герцен и есть Пушкин русской публицистики: и добр, и мудр.

Понимаю, что опять меня заносит. Но так происходит всякий раз, когда читаю или слушаю тебя. Хочется думать, спорить, соглашаться, говорить. Кажется, находись ты всегда рядом, разговор никогда не окончится, а темы для него не иссякнут.

Хочу под конец сказать тебе еще одну важную вещь: думаю, и ты, и я без наших жен - ты без Клары, я без Иры - не смогли бы сделать того, что смогли. Ты - по «объему выпущенной продукции» - несопоставимо больше меня. О причинах я уже говорил. Но удалось тебе столь многое свершить еще и потому,

что с самых первых твоих шагов по тернистому «пути от ложной истины к истинному незнанию» с тобой рядом мужественно шла Клара, русская женщина, родившаяся в Сибири, учившаяся в Москве и прожившая большую часть своей жизни в твоей родной Италии.

А ведь моя Ира, с которой я тоже прошел уже долгий и не очень легкий путь, узнала вас, тебя и Клару, раньше меня. Вот начало ее воспоминаний:

> Имя Витторио Страда вошло в мою жизнь очень давно и при странных, если не сказать - зловещих обстоятельствах.
>
> Конец 50-х годов. Московский государственный университет. Я вместе со своими довольно аполитичными сокурсниками выхожу на финишную прямую исторического факультета. Нам уже объяснили кое-что о культе Сталина, нас совсем запутали с товарищем Тито, который оказался вовсе не товарищем, а «подлым наймитом». Мы уже побывали на целине, «чтобы рассказать потом внукам о великих делах партии и комсомола». Но нас, признаться, больше волновали свои дела: зачеты, экзамены, спорт, влюбленности… И вдруг у нас в университетском общежитии объявляется «враг» - итальянский филолог-аспирант, который хочет жениться на русской девушке Кларе, студентке филологического факультета. Имя этого «идейного врага» - Витторио Страда. И тут началось… Осудить, вразумить, не допустить! Собрания по всем гуманитарным факультетам.
>
> Возможно, эта история и забылась бы по молодости лет, но судьбе было угодно очень скоро столкнуть меня снова с этим «идейным противником» и сделаться другом его, почитателем таланта и многолетним читателем и слушателем (на различных конференциях) этого блестящего мыслителя, публициста и, на мой взгляд, самого сильного «русиста» в Италии.
>
> Сентябрь 1964 года. Приезжаю в Прагу работать референтом по Латинской Америке в журнал «Проблемы мира и социализма». В те годы в «румянцевской деревне» (так называли мы между собой международную редакцию по имени шеф-редактора журнала А.М. Румянцева) весело и увлеченно жили и писали многие будущие «прорабы» перестройки. Когда уезжала из Москвы, все (даже многие на Старой площади) горячо

обсуждали только что опубликованную в «ПМС» статью Юрия Карякина о Солженицыне. До октябрьского переворота (16 октября, снятие Хрущева) оставались считанные дни. От Карякина узнаю, что, оказывается, из всей-огромной западной прессы, просмотренной им, он выделяет лишь одного автора, дошедшего до понимания сути того, что произошло в России, - итальянца Витторио Страду.

Проходят годы. В СССР после октябрьского переворота идет ползучая реакционная коммунистическая реставрация. Кто-то пытается - хотя бы в печати, в выступлениях - помешать этому. Евг. Евтушенко отваживается на публикацию своего знаменитого «Наследники Сталина». Юрий Карякин, с которым мы уже не расставались, на литературном вечере, посвященном памяти Платонова, в Центральном Доме литераторов произносит отчаянную речь против возвращающейся сталинщины, в защиту Солженицына, Окуджавы, Коржавина, Эрнста Неизвестного. Карякина исключают из КПСС. И опять возникает Витторио Страда. Его с семьей высылают из СССР. Наступило гнилое, топкое время застоя.

Долгие годы Витторио в СССР не пускали. Но его статьи в итальянской печати до нас доходили. Поражало всегда очень глубокое понимание им всего, что происходило у нас. Откликался он на все со скоростью журналиста, а вот анализ событий выдавал в авторе философа, очень трезвого и глубокого мыслителя и знатока - да, превосходного знатока русской истории, истории общественной мысли.

Закончить хочу, повторив: не знаю на Западе другого человека, так знающего (и узнавшего «способом любви») - Россию.

Ты помнишь, конечно, мой шуточный, а на самом деле серьезный тост в Милане на праздновании 90-летия Д. С. Лихачева: «Среди нас присутствует "двойной агент", агент Италии в России и агент России в Италии. Я хочу за этого "двойного агента" выпить, потому что это единственный "двойной агент", который нес добро и культуру в мир. Он был агентом культуры Италии в России и агентом культуры России в Италии. Это - Витторио Страда».